

Владимир Юрьевич ВИННИКОВ
Культуролог

КРИЗИС БУДУЩЕГО — КРИЗИС ИДЕАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

1. Приближение к границе

Несомненно, самое популярное слово современности — «кризис». Оно звучит отовсюду и по любому поводу. Похоже, человечество нашло себе новую игрушку, которой еще не скоро наиграется. А пока — вроде бы и очень неприятная игрушка, но в некотором смысле весьма удобная и нужная, поскольку с ее помощью оказывается возможным и допустимым делать все, что захочется, или даже вообще ничего не делать: какие могут быть претензии, ведь кругом **КРИЗИС!** (Здесь и далее — авторское выделение «ключевых» слов, которые, будучи поданы таким образом, в некоторой степени отражают шизофреничность общепринятого толкования ситуации.)

Зенон, некогда предвосхитивший исчисление бесконечно малых величин парадоксом об Ахилле и черепахе, а также Аристотель, разрешивший этот парадокс в понятии «границы», разумеется, не могли предполагать, что занимавший их абстрактный вопрос через два с лишним тысячелетия окажется напрямую связан с выживанием всей планетарной общности людей.

То, что сегодня именуется **КРИЗИСОМ**, на самом деле есть следствие **ПРИБЛИЖЕНИЯ К ГРАНИЦЕ**. Вот об этих двух составляющих — во-первых, процессе **ПРИБЛИЖЕНИЯ** и, во-вторых, феномене **ГРАНИЦЫ**, — видимо, и стоит всерьез говорить, описывая нынешний кризис и его перспективы.

2. Процесс приближения

Самое показательное в нынешней ситуации то, что она стала восприниматься в качестве **ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА** только после того, как перешла в сферу финансового обращения. До того о различных аспектах глобального кризиса человеческой цивилизации — демографическом, энергетическом, экологическом, продовольственном и т.п. — специалисты могли рассуждать десятилетиями без всякой реакции со стороны так называемого «общественного мнения» или же с весьма избирательной, селективной реакцией ононого (например, печально известная история «озоновых дыр», устранившая дешевые «фреоновые» технологии охлаждения).

Все вместе и вдруг почувствовали глобальность **КРИЗИСА** только после того, как их ударили по карману (долларом, рублем или юанем — неважно). Что, Homo sapiens, человек разумный, уже превратился в Homo nummarius — человека денежного? Вряд ли.

Как известно, что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. «Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы

видеть ее», — говорил еще Гераклит. **КРИЗИС** приобрел **ГЛОБАЛЬНОЕ** измерение только когда затронул сферу финансового обращения. Следовательно, именно здесь и нужно искать ту самую «кризисную» трансформацию, упомянутую выше.

Если посмотреть, что происходило за последнее время в сфере финансового обращения, то мы увидим гигантское увеличение мировой денежной массы, которое во много раз превосходило даже номинальный (в текущих ценах, без учета инфляции) рост объема мирового валового продукта (МВП). В 1994 г. МВП составлял, согласно оценкам известного экономиста А. Мэддисона, всего \$11 трлн, а совокупная денежная масса (L) — около \$70 трлн. В 2005 г. МВП достиг примерно \$30 трлн, а совокупная долларовая масса — уже \$450 трлн. Т.е. только за период 1994–2005 гг. на каждый доллар стоимости реально произведенного товара или услуг было напечатано \$19. По итогам 2007 г. Банк международных расчетов (BIS) дает соответственно \$32 трлн ВВП и \$530 трлн L. Следовательно, за последние два года на каждый доллар МВП печаталось уже \$40 «бумажных».

В результате соотношение текущего МВП к L за 1994–2005 гг. изменилось с 1:6,5 до 1:15, а за последние два года достигло 1:16,5. То есть сегодня почти 95% циркулирующих в мире денег не имеют никакого реального покрытия. Эта безудержная эмиссия финансовых инструментов и представляет собой отмеченный выше **ПРОЦЕСС ПРИБЛИЖЕНИЯ к ГРАНИЦЕ** (см. рис. 1).

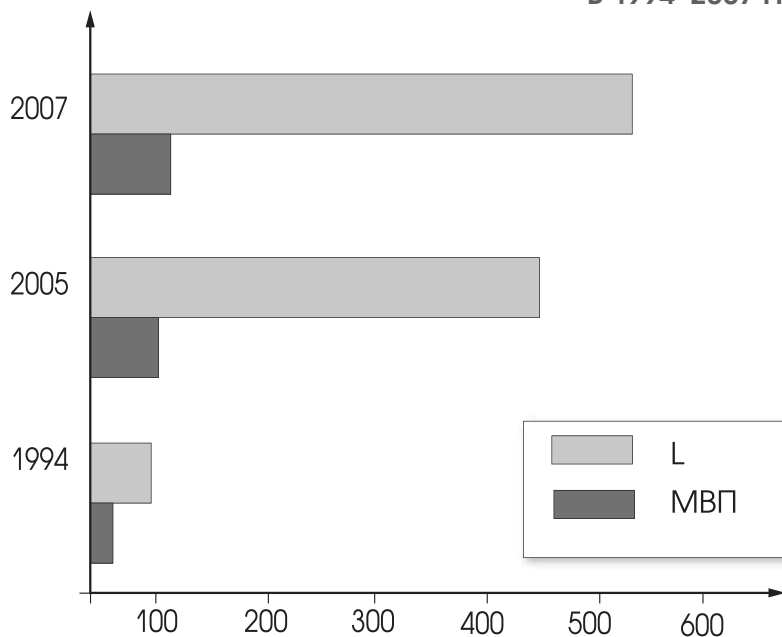
3. Граница

Но где может быть расположена и что должна представлять собой эта таинственная и пока невидимая для нас **ГРАНИЦА**? Для ответа на эти вопросы нам придется обратиться к помощи аналогий. К сожалению, не простейших и пока не поддающихся даже континуальному (пространственно-временному) преобразованию, не говоря уже о каузальном (причинно-следственном).

Речь идет о достаточно хорошо известном физическом процессе, именуемом гравитационным коллапсом и связанном в астрономии с феноменами образования нейтронных звезд, кварковых звезд, черных дыр и вспышками сверхновых.

Судя по всему, денежная масса, наподобие массы физической, обладает неким аналогом свойства гравитации («деньги — к деньгам») и в связи с этим оказывается способна к собственному «гравитационному коллапсу».

Рисунок 1.
ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ МИРОВОЙ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ (L) И МИРОВОГО ВАЛОВОГО ПРОДУКТА (МВП) В 1994–2007 ГГ.

И если, согласно современным представлениями теоретической физики, черную дыру можно получить не только в результате гравитационного сжатия имеющегося объема вещества, но и экстенсивным путем, накоплением огромного количества материала, то МВП может выступать в роли «реального пространства», занимаемого денежной массой. И «накачка» этой массы в ограниченный объем мировой экономики неизбежно приводит к финансовому коллапсу.

Видимо, рецессия глобальной экономики (сжатие объема МВП) — один из необходимых этапов этого процесса. Точно так же наблюдаемое повышение стоимости доллара относительно других валют можно сопоставить со вспышкой светимости сверхновых в фазе сброса оболочки. В первом приближении началом финансового коллапса, вероятно, можно считать соотношение $L/МВП \gtrsim 20-25$. Однако для построения более точной математической модели данного процесса пока явно не хватает наблюдаемых данных. Что, в свою очередь, не позволяет с достаточной точностью прогнозировать дальнейшее развитие событий.

Однако в качественном аспекте можно зафиксировать очевидное изменение самой природы денег. Не спору, подобное предположение выглядит более чем непривычно. Ведь все мы по

собственному опыту знаем, что деньги бывают разные, но сам феномен **ДЕНЕГ** в силу его всеобщности и глубокой древности неизбежно видится нам чем-то единым и целостным: могут изменяться только его исторические формы, но не его сущность «универсальной стоимости», «товара товаров». Впрочем, этот тезис не подлежит сомнению только в «евклидовой» системе координат.

В условиях же описанного выше коллапса и формирования финансовой черной дыры пространственно-временные характеристики **ДЕНЕГ** как таковых способны фундаментально измениться и приобрести совершенно иные черты.

4. Денежная масса

Каким же образом удалось в ограниченный объем мировой экономики «закачать» такую гигантскую денежную массу?

В самой простой для понимания форме ответить на этот вопрос можно следующим образом. Начиная с 1971 г., когда был де-факто отменен золотой стандарт доллара США, мировая финансово-экономическая система начала жить в долг у собственного будущего, с помощью фьючерсов и других «дериватов» активно монетизируя будущие активы: недобытую нефть, непостроенные дома, несобранные автомобили и так далее, — вплоть до несостоявшихся природных катастроф и прочих страховых случаев.

Если лозунг классической рыночной экономики в целом звучал как *Time is money!* («Время — деньги!»), то лозунг так называемой глобализации должен звучать как *Future is money!* («Будущее — деньги!»). Но сегодня этот «резерв будущего» выбран практически до «горизонта событий».

Выше уже говорилось о том, что данный «горизонт событий» не может превышать 20–25 лет, а отношение $L/MВП$ в настоящее время приблизительно равно 16,5. Казалось бы, некий — и немалый — задел еще существует, но нельзя забывать, во-первых, о том, что реальный МВП может быть существенно меньше номинального; а во-вторых, о том, что это «среднемировое значение», которое для отдельных национальных экономик (например, для экономики США) может значительно превосходить критический порог.

Отсюда совершенно понятно появление «энергетической» концепции денег, способной жестко связать величину денежной массы с реальным физическим временем и тем самым «вернуть» финансовое обращение из будущего в актуальное настоящее. Однако на деле гипотетический

«энергетический стандарт» выглядит не более чем ухудшенным аналогом «золотого стандарта» прошлого — прежде всего по той причине, что человек — не машина, и питается не от розетки и не от двигателя внутреннего сгорания. Для его полноценного существования необходима утилизация не только абстрактных килокалорий, но и множества других ресурсов, в энергетическую валюту принципиально не конвертируемых.

Если лозунг классической рыночной экономики в целом звучал как *Time is money!* (Время — деньги!), то лозунг так называемой глобализации должен звучать как *Future is money!* (Будущее — деньги!)

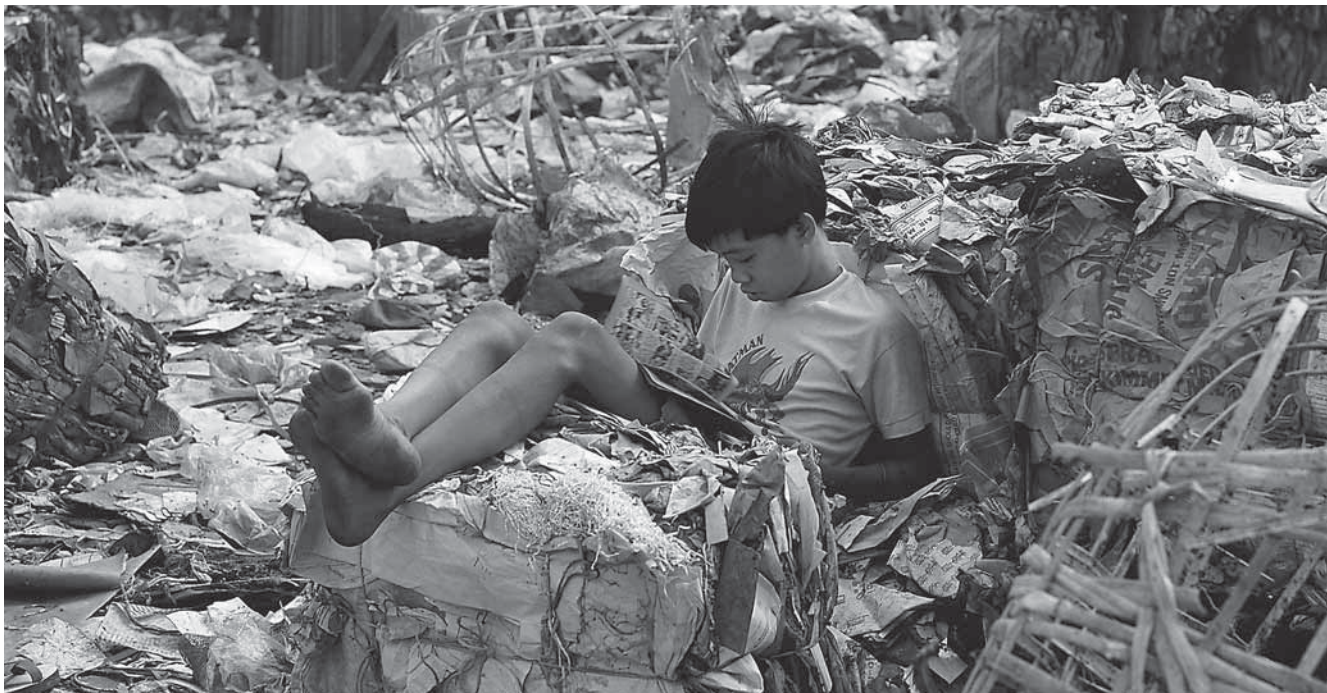
Да и реально кризисный процесс разворачивается вовсе не в энергетической плоскости. Ведь если основная масса денег начинает обслуживать фиктивные (виртуальные) будущие сделки, то **ДЕНЬГИ** становятся уже не временной, а информационной категорией — поскольку будущее для нас реально ровно настолько, насколько реальна информация о нем.

5. От неолита — к ноолиту

Но если природа **ДЕНЕГ** реально трансформируется из временной в информационную, а информация — это по определению идеальный продукт, продукт идеального производства, то значит, мы сталкиваемся с принципиально новой ситуацией, которая во всей истории человечества имеет одну-единственную аналогию: переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству.

О существовании такого особого идеального (духовного) производства, кажется, впервые было упомянуто в 1848 г. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству», — сказано в «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Однако впоследствии актуальный марксизм сосредоточился на изучении законов материального, экономического производства, оставив изучение законов производства идеального «на потом». Вероятно, это было вполне оправдан-

но в условиях второй половины XIX — начала XX вв., когда материальное производство занимало, безусловно, доминирующее положение в мировой экономике. Однако в современных условиях, когда в «реальном секторе» производство так называемых услуг, под которыми понимается прежде всего производство идеального продукта, составляет от 60% до 80% экономик самых развитых стран мира, делать вид, будто производство стали ничем не отличается от производства информации, как минимум странно.

Более того, само понимание производства нуждается в фундаментальном пересмотре на основе принципиально иной аксиологии (системы ценностей). И если сегодня результатом производства признается, скажем, выплавленный из руды металл, а отвал пустой породы, возникший в результате того же трудового процесса, результатом производства не признается и как бы не существует, то в итоге вся человеческая цивилизация работает на свалку и пустыню — неадекватная аксиология производства приносит чудовищные плоды.

Сегодня уже понятно, что мир будущего не станет ни более справедливым, ни более благополучным, ни даже более протяженным, чем сегодня. Человеческие поселения на Луне или в океанических глубинах, скорее всего, окажутся экзотикой или не состоятся вообще. Создается впечатление, что мы забрались на какую-то вершину, откуда все пути ведут только вниз.

Сегодня уже понятно, что мир будущего не станет ни более справедливым, ни более благополучным, ни даже более протяженным, чем сегодня. Человеческие поселения на Луне или в океанических глубинах, скорее всего, окажутся экзотикой или не состоятся вообще

Итак, нынешний кризис стал одновременно и кризисом будущего, и кризисом идеального производства. И то, и другое происходит в истории человечества практически впервые. То есть на наших глазах осуществляется цивилизационный переход, который, по аналогии с неолитической революцией, можно назвать революцией ноолитической, связанной с переходом от эпохи неолита (а она, по сути, длится и сегодня) к эпохе ноолита — тех «умных камней», которые составляют материальную основу компьютерной цивилизации и описаны в книге пророка Даниила как последнее земное царство, «частью из глины, частью из железа». ■

Итак, нынешний кризис стал одновременно и кризисом будущего, и кризисом идеального производства. И то, и другое происходит в истории человечества практически впервые